

Д.В. ТИМОФЕЕВ

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

**ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОГО
ДВОРЯНСТВА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА:
ДИАЛОГИ О «ЗАКОНЕ» И «ОБЩЕМ МНЕНИИ»
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

В статье рассматриваются аргументы участников выборов в дворянских собраниях первой четверти XIX в. о приоритетности «общего мнения» и целесообразности проявления групповой солидарности в случае возникновения электоральных конфликтов с губернской администрацией. На основе архивных материалов показано, что в сознании дворянина сочетались патерналистские представления о характере взаимоотношений с высшими правительственными органами и признание допустимости не соглашаться с решением губернатора в случае, если оно противоречит решению собрания. В заключительной части статьи делается вывод о формировании системы аргументов, основанной на утверждении о наличии у дворянского собрания права на «общее мнение», принципе неукоснительного соблюдения «буквы закона» и, одновременно, необходимости разрешить допуск к выборам дворян, которые в соответствии с действующими нормами не имели на это права.

Ключевые слова: история общественного сознания, история общественной мысли, российское дворянство XIX века, история понятий, дворянские выборы.

Один из ключевых вопросов истории общественного сознания, который не может быть решен посредством обращения к текстам известных государственных деятелей, литераторов и публицистов изучаемого периода, — вопрос об условиях и факторах формировании *групповой солидарности* при возникновении противоречий между гражданами и представителями местной администрации. После провозглашения в 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству», в соответствии с которой дворянские собрания получили право избрания дворянских предводителей, а также кандидатов на ряд выборных должностей в местные суды, складываются предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций между местным дворянством и губернатором, обладавшим правом не утверждать результаты выборов. Конечно, следует признать, что в большинстве случаев выборы проходили без каких-либо инцидентов и не сопровождались противостоянием с губернатором. Но конфликтные ситуации все-таки были, о чем красноречиво свидетельствуют материалы фонда Министерства внутренних дел «О беспорядках при проведении дворянских выбо-

ров». Принципиально важное значение при рассмотрении историком такого рода случаев имеет не столько результат конфликтного взаимодействия, а то, каким образом выстраивался диалог между инициативными группами, выражавшими несогласие с решениями местных властей, представителями губернской администрации и правительственными структурами, какие аргументы использовали стороны для обоснования своих позиций. В методологическом отношении теоретической основой предлагаемого подхода к изучению общественного сознания являются установки современной интеллектуальной истории и истории понятий [Кембриджская школа, 2018].

Внешним обстоятельством, порождавшим электоральный конфликт между губернатором и дворянским собранием в первой четверти XIX в. был, как правило, отказ утвердить список претендентов на выборные должности или отстранение губернатором от должности уже избранных кандидатов. Несогласные с принятым решением дворяне направляли министру внутренних дел или императору *индивидуальные и коллективные прошения*. Ответная реакция должностных лиц фиксировалась в отчетах и докладных записках губернаторов, мнениях Государственного совета, постановлениях министра внутренних дел, сенатских предписаниях и указах.

Подобный сценарий прослеживается, например, при рассмотрении направленной весной 1815 г. министру внутренних дел О.П. Козодавлеву жалобы дворянского собрания Казанской губернии на действия вице-губернатора А.Ф. Гурьева. По мнению дворян, он, не имея законных оснований, «несправедливо» отказался утвердить в должности 24 дворян, «...кои имели полные права на выборы». ¹ Такое решение оценивалось как покушение на предоставленное верховной властью право дворянства избирать «достойных кандидатов». После ознакомления с жалобой министр внутренних дел приказал вице-губернатору предоставить дополнительные сведения о причинах «неудовольствия» местных дворян. С этого момента начинается борьба аргументаций конфликтующих сторон, одна из которых стремилась показать обоснованность принятого решения, а другая — восстановить «справедливость» посредством утверждения «общего мнения» дворянского собрания, избравшего кандидатов на выборные должности.

В объяснительной записке А.Ф. Гурьев не отрицал право дворянского собрания избирать «достойных чиновников». Напротив, аргументируя свое решение, он апеллировал к публично провозглашаемому верховной властью принципу неукоснительного соблюдения «закона» и приводил конкретные факты: из 24 избранных кандида-

¹ РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 91, д. 252, л. 293 об. – 294.

тов 2 человека были ранее отстранены от должностей по подозрению во взятках; 2 оштрафованы; 1 «предан суду за беспечность и нерадение в производстве следствия»; 1 «замечен уголовною палатой в упущении и послаблении виновных»; 1 «замечен в нетрезвом поведении и буйных поступках, публично оказанных им»; 1 был моложе 25 лет, а остальные 17 не имели собственного имени или не были записаны в дворянскую родословную книгу.²

Все эти аргументы были известны участникам дворянского собрания, но они продолжали настаивать на несправедливости решения А.Ф. Гурьева. Для опровержения обвинений был составлен развернутый ответ по каждому из кандидатов на выборную должность. Общий смысл контраргументов сводился к констатации невинности отстраненных дворян: в одном случае утверждалось, что о ходе расследования «собранию достоверно ничего неизвестно», в другом — напротив, сообщалось о недоказанности судом вины кандидатов, а обвинение в неподобающем «нетрезвом поведении и буйных поступках» не подтверждалось свидетельствами очевидцев.³

Таким образом, и вице-губернатор, и его оппоненты выстраивали свою аргументацию, по сути, на одном и том же «законном» основании, так как ни одна из сторон конфликта не подвергала сомнению существовавшие требования к спискам кандидатов на выборные должности. Но для участников дворянского собрания формальное применение норм закона без предоставления неопровержимых доказательств, подтверждающих правомерность отказа утвердить результаты голосования, граничило с нарушением дарованного верховной властью права избирать предводителей дворянства, служащих местным администрациям и судам. В данном контексте решение вице-губернатора отождествлялось с превышением предоставленных ему полномочий, а следовательно, являлось достаточным основанием для консолидации местного дворянства с целью отстоять право на выражение «общего мнения».

Наиболее радикальной формой вербализации такого рода намерений были заявления о независимости решений дворянского собрания от губернской администрации. Так, например, в январе 1811 г. в результате проверки избирательных списков губернатором Олонецкой губернии В.Ф. Мертенсом выяснилось, что из 44 участников собрания 37 кандидатов не могли участвовать в процедуре баллотирования, так как сведения о них не были внесены в дворянскую родословную книгу. Одновременно с этим оказалось, что к выборам были «...допущены такие дворяне и чиновники, которые состояли под су-

² РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 91, д. 252, л. 295.

³ РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 91, д. 252, л. 295–297.

дом и по оному не оправданы».⁴ Так же, как и в описанном выше случае в Казанской губернии, В.Ф. Мертенс аргументировал свой отказ указанием на несоответствие кандидатов формальным требованиям закона. Недовольные таким решением дворяне направили к губернатору «депутацию», в состав которой входили губернский прокурор, а также бывший и только что избранный предводитель дворянства. Но их появление без предварительного уведомления в доме губернатора лишь осложнило положение. Губернатор, по мнению дворян, принял «депутацию» без «должного уважения»⁵ и, не желая слушать их аргументы, повторил категоричный отказ утвердить результаты выборов. Такое поведение незамедлительно было оценено как проявление неуважения к мнению дворянского общества и стало основанием для ответных действий: на квартире предводителя дворянства были составлены два «самопроизвольных акта», в которых объявлялось о противодействии губернатора исполнению решения собрания. При этом на требование предоставить копии документов, по словам В.Ф. Мертенса, предводитель дворянства заявил: «...Поелику собрание ни в каком случае не подвержено в движениях своих и делах ответу, то и он ничего более донести мне не может, как ровно и доставить мне требуемые копии, не имея от дворянского собрания поручения».⁶ По логике предводителя дворянства, если губернатор не имел права присутствовать при голосовании, то он и не должен был вмешиваться в принятие любых решений дворянских представителей. Такая аргументация подчеркивала значимость коллективного мнения и свидетельствует о размышлениях местного дворянства по вопросу о пределах власти губернатора во взаимоотношениях с дворянским собранием.⁷

Своеобразное продолжение дискурса о характере взаимоотношений дворянского собрания и губернского начальства получил в указе Правительствующего Сената от 30 апреля 1811 г. В соответствии с уже сложившимся к этому времени канцеляристским штампом, произошедшее в Олонецкой губернии определялось как «беспорядки при проведении выборов», а наиболее существенным нарушением было признано составление дворянством двух «самовольных протоколов». Недопустимость такого рода действий подчеркивалась посредством

⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 29, 38.

⁵ Позднее губернатор объяснил, что он был болен и поэтому вышел к дворянской «депутации» в «неподобающей» случаю одежде (РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 35 об.–36).

⁶ РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 37.

⁷ Основанием для размышлений по данному вопросу могли быть указы от 16 августа 1802 г., устанавливавшие ответственность губернаторов за превышение властных полномочий [ПСЗ, т. 27, 1830, № 20372, с. 221–222; № 20374, с. 223–226].

оценочного суждения о содержании этих документов: «...Собрание дворянства Олонецкой губернии в доме бывшего губернского предводителя Киприянова составило два протокола, наполненные выражениями непристойными на счет установленной законами власти и неприличными образу мыслей благородного сословия рассуждениями, дух неповиновения обнаруживающими».⁸ В резолютивной части указа негативная оценка действий дворянства была подкреплена сообщением об уничтожении «самовольных протоколов» «как содержащих в себе *несправедливые* и *противозаконные* укоризны и жалобы на счет начальства губернии».⁹ По указу от должностей были «отрешены» советник губернского правления, дворянский предводитель и губернский прокурор, а все дворяне, подписавшие «самовольный» протокол, подвергнуты «надлежащим по закону взысканиям». Более того, для предотвращения аналогичных инцидентов в будущем было приказано объявить всему олонецкому дворянству «Его Величества неудовольствие» и «опубликовать» утверждённое императором решение Сената «по всем губерниям».

Анализируя приведенные выше случаи, важно отметить, что в российском законодательстве не было прямого запрета на выражение несогласия дворянского собрания с решением губернатора по вопросу о неутверждении кандидатов на выборные должности. Возможно, именно поэтому в тексте указа не было никаких ссылок на юридически значимые документы. Вместо этого сообщалось, что император считает поступок олонецкого дворянства «предосудительным и неблагонамеренным», а следовательно, недопустимым для любого российского подданного. Таким образом, несмотря на достаточно жесткую риторику власти о необходимости предотвращения «законопротивных поступков» и неотвратимость «суждения по законам» всех виновных лиц, в тексте указа доминировали не юридические, а морально-этические аргументы, высказываемые в назидательно-воспитательной форме с целью обозначить «внешние границы» для проявления групповой солидарности дворянства.

Аналогичным образом могли действовать и дворянские собрания, аргументируя заведомо противоречащее установленным нормам и процедурам решение, посредством апелляции к позитивно окрашенным концептам «общее благо» и «общая польза». Так, например, при проведении сенаторской ревизии в Саратовской губернии было выявлено, что 14 января 1825 г. после проведения баллотировки кандидатов на выборные должности участники голосования составили «*особый акт*» об избрании на очередное трехлетие служащих в уездные и

⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 38 об.

⁹ РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 38–38 об.

земские суды. Необходимость составления данного документа была продиктована очевидным для самих дворян несоответствием избранных кандидатов требованиям законодательства, и одновременно, уверенностью в том, что такое несоответствие *не имеет принципиального значения* в случае, когда личные и профессиональные качества претендентов не вызывают у членов дворянского собрания никаких сомнений. Аргументируя принятое решение, уездный предводитель дворянства с «наличными благородными дворянами, собравшимися в губернском городе Саратове», констатировал: «...По совершенному неимению в обоих наших уездах из наличных свободных дворян на баллотирование право имеющих, по известной нам способности, честному служению и хорошему поведению, избрали мы жительствоющих в наших городах Камышине и Царицыне дворян, не имеющих в округе онаго деревень, ни поместьев, а только одни в городах дома и при них услугу...»¹⁰

Высказанная аргументация отражает несколько ключевых для понимания представлений наиболее активной части поместного дворянства позиций. Во-первых, дворянское собрание, по сути, предложило руководствоваться не формальными правилами, а практической целесообразностью, что позволило бы учитывать местные обстоятельства в тех губерниях Российской империи, где по объективным причинам численность дворян была недостаточной. Не выражая сомнения в важности установленных законом критериев для отбора кандидатов, авторы «акта» акцентировали внимание на том, что принятое решение не противоречило главной цели проведения выборов — выдвижению наиболее способных представителей дворянства на выборные должности. Во-вторых, обозначенный в «особом акте» об избрании дворян Саратовской губернии принцип необходимости адаптации действующего законодательства к местным условиям, существенно расширил бы «границы» свободы выбора дворянского собрания при подборе достойных кандидатов на выборные должности. По сути, принятое участниками дворянского собрания Саратовской губернии решение было своеобразным продолжением обозначенной в п. 65 «Жалованной грамоты дворянству» нормы. Юридически зафиксированное право исключать из собрания «дворянина, которой опорочен судом, или которого явный и бесчестный порок всем известен, хотя бы и судим еще не был...» [Грамота на права, 1987, с. 37], дополнялось признанием способности дворянского собрания адекватно оценить личные качества претендентов и их «готовность» к службе на выборных должностях, даже в том случае,

¹⁰ РГИА, ф. 1557, оп. 1, д. 88, л. 14–14 об.

если они по каким-либо формальным основаниям не должны были участвовать «в баллотировке».

Следует заметить, что подобная логика обоснования допустимости исключений из «общих правил» неоднократно использовалась в обращениях к министру внутренних дел. Характерным примером, позволяющим прояснить общий контекст принятого Саратовским дворянством решения, может служить представление министру внутренних дел от ярославского губернского предводителя Н.А. Майкова, который в декабре 1813 г. просил допустить к выборам ранее «оштрафованных» и находящихся под следствием до решения суда дворян. По его мнению, установленный указом Сената 15 марта 1809 г. [ПСЗ, т. 30, 1830, № 23538, с. 879, 880] запрет существенно осложняет «определение» на выборные должности тех, кто, «имея способности, и состояя доброго об них мнения дворянского сословия, в случае избрания могли бы обществу быть полезны».¹¹ В такой формулировке необходимые для достижения «общей пользы» отступления от «буквы закона» могли быть допустимы на основании признания дворянским сообществом у кандидатов необходимых для работы на выборных должностях личных и деловых качеств.

Одновременно с утверждением о достаточности «доброе мнения» местного дворянства Н.А. Майков использовал еще один важный аргумент: отстранение от участия в выборах лиц, обвиняемых в совершении незначительных проступков, может привести к необоснованному нарушению их избирательных прав, так как окончательное решение по делу еще не принято, а следовательно, они могут быть признаны невиновными. В случае принятия судом оправдательного решения превентивное отстранение от выборов становилось несправедливым наказанием для дворянина. С этих позиций автор органично совмещает утверждение о способности дворянского сообщества адекватно оценить способности дворянина с презумпцией его невиновности до момента вынесения судом окончательного решения. Обращаясь к министру внутренних дел, предводитель дворянства четко обозначил цель своего обращения: «...Дабы неумышленно впадший в преступление, но сам по себе способный и почетный дворянин по одному наименованию бытия его под судом не мог лишиться принадлежащих ему преимуществ, я за непреманный долг поставил ходатайствовать у Вашего Высокопревосходительства о разрешении тем дворянам права на выборы».¹² Одновременно с этим предлагаемое смягчение формальных ограничений, по мнению автора, могло предотвратить «в дворянах недостаток» на предстоящих в 1814 г. вы-

¹¹ РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 89, д. 201, л. 316–316 об.

¹² РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 89, д. 201, л. 33 об.–34.

борах, так как часть дворян еще не возвратилась в губернию после службы в ополчении. Последний аргумент, хотя и был представлен как отражение особых обстоятельств послевоенного времени, подчеркивал практическую целесообразность доверия «общему мнению» дворянского собрания в контексте не только прав, но и обязанности представить кандидатов на выборные должности.

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют разнонаправленность аргументов о значимости «общего мнения» и возможности его отстаивания дворянским собранием. Одновременно использовались как аргументы, основанные на признании важности неукоснительного соблюдения закона, наличия права и обязанности собрания «наполнить места от выборов дворянства зависящие», так и высказывания о целесообразности разрешить собранию самостоятельно определять способности кандидатов, даже в том случае, если по формальным критериям они не могли участвовать в выборах. На этом фоне право коллективно избирать кандидатов на выборные должности противопоставлялось субъективному мнению губернатора, которое можно было оспорить, обратившись к министру или императору. Такая логика разрешения конфликта не предполагает институционального противопоставления общего мнения дворянства губернской власти. Возникавшие конфликты не были демонстрацией политической оппозиции и отражали отношение к личности губернатора, стилю его взаимоотношений с дворянством управляемой им территории. Но даже такой ситуативно-личностный, а нередко и сугубо утилитарный характер обстоятельств возникновения электоральных конфликтов сопровождался аргументацией права дворянства на выражение несогласия с мнением регионального начальства. Содержательно высказываемые аргументы основывались на сочетании принципов взаимозависимости частной пользы и общего блага, важности соблюдения не только буквы, но и духа закона с традиционной патерналистской моделью взаимоотношений власти и российских поданных. При этом воспроизведения идейных установок европейской философии просвещения не сопровождалось упоминанием какого-либо первоисточника и преподносились как общеизвестные для образованного дворянина истины. Таким образом в среде провинциального российского дворянства идеалы европейского просвещения сознательно, или в качестве действенного риторического приема, использовались для достижения утилитарных целей, но даже в такой форме их воспроизводство способствовало осознанию возможности критически оценивать решения местных властей в случае, если они противоречили публичным заявлениям верховной власти.

Список литературы

Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. 628 с.

Список опубликованных источников

Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // Российское законодательство X–XX вв. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 23–53.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 27: 1802–1803. СПб., 1830. 1122 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 30: 1808–1809. СПб., 1830. 1404 с.